

В том году Вере Павловне исполнилось пятьдесят лет. Родственники, друзья звали ее Верочкой. Возможно, потому что что у нее не было семьи. Почему-то (говорят обычно: «так сложилось») Вера Павловна к пятидесяти годам не была обременена семьей. Ее мама утверждала, что это хорошо – так легче жить. Сама Верочка старалась на этой теме не зацикливаться: ну, сложилось и сложилось, зато работа хорошая.

Вера Павловна преподавала в институте и работу свою любила. Зарплата, правда, в последние годы не радовала. Впрочем, Верочка была почти согласна с тезисом «за такую интересную работу мы должны еще и сами приплачивать». Как раз в том самом 1998 году она получила двухгодичный творческий отпуск для работы над докторской диссертацией. Жить стало еще интереснее, но материально труднее.

И вот тут-то мы приблизились к завязке нашей истории. В начале июля подруга, преподавательница английского языка, предложила Верочке сдать на месяц квартиру иностранцу. Этот американец, пастор протестантской церкви, приехал в город по своим пасторским делам на месяц-полтора. Ему посоветовали снять однокомнатную квартиру в центре – так получится дешевле и удобнее, чем в гостинице, сказал ему кто-то. И он попросил Верочкину подругу помочь найти квартиру.

«Ну, а я как же?! Где я-то буду этот месяц жить?», – удивилась Вера Павловна. – «Поживешь у мамы! Или еще лучше: съездишь с мамой на дачу, отдохнете там», – сказала знающая Верочкины обстоятельства подруга. – Зато сколько денег получишь фактиче-

ски ни за что. Сто пятьдесят долларов! Это больше, чем твоя зарплата месячная! Еще одна зарплата – представляешь?!». И Верочка согласилась.

Лето подходило к середине, начинался июль. Мама с восторгом восприняла предложение пожить месяц на даче. И даже предпочла не вникать в вопрос о сдаче Верочкиной квартиры иностранцу; при других обстоятельствах она бы такой поступок не одобрила, а тут просто как бы не заметила – согласилась сразу. Дача была предметом раздоров, источником семейных неприятностей, Верочкиной головной болью. Эту дачу – деревянный домик из двух маленьких комнат в дачном кооперативе «Подснежник» – мама очень любила, а Верочка – нет. Добираться туда надо было на двух автобусах, а потом еще километра три-четыре идти вначале мимо озера, через железнодорожные пути, а затем вверх по узкой вихляющейся между корнями и стволами тропинке, по заросшему лесистому холму. Верочка боялась маму одну на дачу отпускать – семьдесят восемь лет все-таки!. Приходилось с ней ездить хотя бы два-три раза в неделю. Жить на даче Вера не хотела – не было там ничего. То есть имелось электричество и вода для поливки. Еще там было несколько грядок с морковкой, свеклой, огурцами, за которыми Софья Антоновна, мама Верочки, любовно ухаживала: пропалывала, поливала. Софья Антоновна всю жизнь проработала в библиотеке, «в очень вредной книжной пыли», и, выйдя на пенсию, по контрасту полюбила быть на природе, возиться с растениями. А Вере Павловне книжная пыль еще не надоела, она не любила полоть и поливать. В

общем, месячное пребывание на даче ничего хорошего не сулило, но все равно маму пришлось бы часто вывозить, так что одно к одному.

Котов решили взять с собой. Мамин Зайчик несколько лет назад бывал на даче, а Персик за свои два года еще никуда не выезжал, но Верочка оставить его с американцем не решилась: кто его знает, этого пастора, как он к животным относится... Поскольку котов все равно приходилось везти на такси, Вера Павловна и книги, и компьютер захватила. Расход получился большой, однако не смертельный. Тем более, по возвращении ожидалась приличная сумма от квартиранта.

На дачу прибыли во второй половине дня. Зайчик, обиженный присутствием незнакомого и более молодого кота, тотчас исчез. На зов не шел, не появился и к вечеру. Окно оставили открытым – может, придет. Персик спал у Веры Павловны в ногах. Ночью она проснулась от каких-то странных звуков. Тихо, уткнувшись в подушку, всхлипывала мама.

Верочка босиком вышла на крыльцо. Сияла ночь. Луной был полон сад. «Зайчик, Зайчик!» – стала звать Вера Павловна. Черная сырая трава стлалась под ногами, серые деревья умиротворяюще шумели черной листвой. Ночь была теплая, ясная. Верочка прошла по тропинке к низенькому косому заборчику, к привязанной веревочкой калитке: «Зайчик, Зайчик!». Из дремучих зарослей крапивы, малины, лопухов скользнула серая кошачья фигурка. Умный Зайчик подошел к Верочке. Зачем он убежал и прятался? Почему теперь вышел сразу, по первому ночному зову?

Глаза приспособились к ночи, теперь в комнате тоже казалось светло. Мама, сидя на постели, гладила своего кота. «Вот видишь: я позвала, и он сразу прибежал», – утешающе сказала Вера Павловна. «Ты позвала...», – в голосе Софьи Антоновны звучала презрительная горечь. – Он сам пришел. А ты пописать вышла».

Так и зажили они на даче – как говорится, в тесноте, а с обидой по-всякому было.

Мама вставала очень рано, часов в пять, и сразу будила Верочку: «Или иди полоть морковь, или садись заниматься», – строго говорила она. В душе, видимо, Софья Антоновна надеялась на морковный выбор, но Верочка почти всегда выбирала книги и компьютер. Работа шла на редкость хорошо, Вера успевала много; так всегда с ней было: в жестких условиях открывалось то, что раньше не поддавалось пониманию. Теперь она знала, что докторская у нее, считай, есть, что она ее обязательно напишет.

Часов в десять работу прекращали. Готовили завтрак – салат из зелени и картошка или каша. Оставшееся время проходило по-всякому, иногда безалаберно: читали, готовили обед (окрошка и оставшееся от завтрака), Верочка писала статью, Софья Антоновна бродила по саду или спала. Вечером поливали: Вера носила воду из бочки, а мама с помощью помятой алюминиевой миски поливала из ведра растения. Котов кормили привезенными с собой кошачьими консервами, перемешивая их для экономии с кашей. Накладывала в плошки Вера Павловна, а Софья Антоновна ревниво за процессом следила. «Зайчик, – говорила она язвительно, – тебе одно желе достается. Ешь желе, оно полезное».

С соседями общались мало. Каждый день утром и вечером проходил по их участку Николай Иванович. С его стороны забора не было, а со стороны улицы калитку, привязанную веревкой к столбику, мужчина открывал и закрывал сам. Через участок Софьи Антоновны ему удобнее было к озеру идти, он там рыбу ловил. В полужаросшем маленьком озерце рыба, как ни странно, водилась, хотя и меленькая. Иногда Николай Иванович давал пару рыбок – сварить для котов. Если женщины были в саду, он останавливался и что-нибудь рассказывал. Обычно про политику.

В то лето про политику говорили много: странные вещи какие-то происходили, премьер-министром неожиданно стал очень юный на вид Кириенко, это удивляло и на-

стораживало. Хорошо помнящее с девяноста первого год население боялось с одной стороны, обвальной инфляции, а с другой – исчезновения продуктов. Потому что восьмидесятые тоже хорошо помнили. В любом случае следовало запастись крупой.

Через неделю продуктовый запас заметно истощился, и Вера Павловна решила съездить в город. Нужно было и на дачу продуктов привезти, и заодно уж закупить побольше крупы на зиму – в свете политических новостей. Денег оставалось мало, зато их можно было тратить все – ведь ожидалось крупное поступление от квартиранта!

Рано утром с большой сумкой из плащевки, в которую запихнула еще рюкзак, Вера Павловна пробежала вниз с лесистого холма, по вихляющей тропинке, через железную дорогу – что-то звенит вдали, лучше переждать, ну да, товарняк идет, какой длинный, теперь можно – мимо выходящих к выпасу коров, вниз, вниз, мимо озера – к шоссе.

Вначале Вера Павловна поехала в центр. Нужно было закупить продукты на зиму, для дома, и, конечно, оставить их в городской квартире. В конце концов, она имеет право зайти в свою квартиру, чтобы положить продукты?! Несмотря на ранний час, в ларек дешевых продуктов «Лаваш» уже стояла небольшая очередь. Вера Павловна за последние годы отвыкла от очередей и поэтому, стояв немножко, решила идти в универсам: не так уж велика разница в цене. Она была, как утверждала мама, транжиркой.

Продукты на полках были, однако и разбирали хорошо. Вера Павловна взяла гречку, пшено, овсянку, макароны... Что еще? Пока хватит, это бы донести. Квартиру свою не стала открывать ключом, а позвонила – вдруг пастор там? Он действительно оказался дома. Пастор был довольно молодым, лет сорока. Судя по внешности и по имени – американец итальянского происхождения. Вере Павловне он, если и удивился, то не показал вида. Извинившись, хозяйка загрузила продукты в шкафчик. Получилось очень плотно. Американец смотрел на нее с неодобрительным удивлением.

Уложив пакеты, Верочка собралась уходить, однако пастор пригласил в комнату. «Блохи!» – сказал он по-русски осуждающе. Вера Павловна смутилась. Американец имел в виду, конечно, тараканов. Эти насекомые водились во всем доме. Дом был старый, очень старый. Расползались тараканы, как всем было известно, из квартиры Солнцевых. Солнцевы жили у Верочки за стеной. Это было уже второе поколение. Старшие Солнцевы умерли несколько лет назад, едва перешагнув сорокалетний рубеж, и теперь там жили их дети, два брата в возрасте «за двадцать»: Иван и Анатолий. Они нигде не работали, промышляли мелким воровством в подвалах и гаражах – предлагали Верочке какие-то сольенья в трехлитровых банках, уж явно не собственного приготовления. Пили они беспробудно. «Да, – ухватившись за неточно употребленное пастором слово «блохи», сказала Верочка: Что же делать, блохи... кот, знаете ли... Животное, как без блох? Бегает везде, вот и блохи!». Кота Верочка оклеветала. У Персика не было блох и где попало он не бегал. Понял ли что-нибудь американец? Но про тараканов и Солнцевых объяснять ему было невозможно.

Когда-то это была приличная семья, дедушка Ваньки с Толькой читал лекции по истории партии в одном из вузов, бабушка была учительницей. Их дочь, Татьяна, ровесница Верочки, в молодости красавица, а в детстве и умница, что-то украла в семнадцать лет, попала в тюрьму, а потом начала спиваться. Умерла она пять лет назад от цирроза печени. Еще через год непробудного пьянства, лежа в облаках табачного дыма, начал умирать от рака гортани ее муж. Он лежал один. Дети, те самые Ванька и Толька, смылись к бабушке, матери Татьяны, которая доживала свой горький век неподалеку.. В хоспис его не взяли, рецепты на обезболивающее украли подруга... Когда он стучал в стенку Веры Павловны, она вызывала «скорую» – делали укол. Иногда она приносила ему в ненужной баночке (чтобы не мыть посуду) суп или компот. Приносили еду и другие соседи. Но убирать эту загаженную квартиру никто не хотел,

а самому умирающему было все равно: он курил беспрерывно, устремив невидящий взгляд в потолок, просил только сигарет; ни суп, ни компот, ни хоспис, ни бросившие его сыновья, ни укравшая обезболивающий наркотик подруга ему были не нужны. И вот теперь в квартире, заваленной мусором, на глазах у всего дома спивалось следующее поколение – Ванька с Толькой... Эти пили в ускоренном режиме, вряд ли они доживут до сорока... Но пока что травить тараканов представлялось бесполезным – так цинично воспринимали ситуацию соседи, Верочка не была исключением.

На столике стояла фотография: пастор в спортивном костюме на лыжах на фоне гор рядом со смеющейся девушкой, тоже в спортивном костюме и на лыжах. Горы красивые, снежные... «Альпы, наверно», – подумала с некоторой долей зависти Вера Павловна: она мало путешествовала.

«Я оставляю Вам Библию», – вдруг сказал пастор. – Это бесплатно». И показал на лежащую рядом с фотографией Библию: миссионерскую, с экономным мелким шрифтом, в мягкой, разумеется, обложке – для вновь обращенных. «Нет, нет, спасибо, – энергично начала возражать Вера на своем плохом английском, с жестами: У меня есть Библия. Я иногда читаю...».

Библия у Веры Павловны была такая, что американцу не снилось. Не то чтобы раритет, но все ж – 1895-ый год, более ста лет... В жестком, как камень, кожаном переплете. На титульном листе красивым старинным почерком с нажимом и тонкими линиями, согласно правилам дореволюционной орфографии, то есть с ятем и твердым знаком, было написано: «Сия Библия принадлежит Василию Петровичу Летуновскому». Вера Павловна часто думала об этом Василии Петровиче. Кто он был? Купец? Мещанин? Читали книгу, судя по ее виду, много – вероятно, и потомки Василия Петровича читали.

У Веры Павловны эта книга появилась поздно, в 1979 году. Она жила тогда, в небольшом городе, который не был в войну оккупирован, не горел; в составлявших его

центре давней постройки деревянных оконных рамах с прочными дубовыми воротами, с резными наличниками сохранились некоторые старинные вещи.

Однажды в преподавательское общежитие к Вере Павловне пришли двое незнакомых молодых людей и предложили купить Библию за семьдесят рублей. Их к ней кто-то направил. Они сказали, что книга принадлежала дедушке, недавно он умер, а им Библия ни к чему, они-то в Бога, конечно, не верят, ха-ха. Цена была запрошена немалая, половина зарплаты старшего преподавателя, каковую должность исполняла Вера Павловна в ту пору. Однако книга ей так понравилась, что она, слегка поторговавшись, заплатила. Пояснив, на всякий случай, этим неизвестно откуда взявшимся молодым людям, что Библия нужна ей для работы, как филологу, ха-ха.

Дело в том, что кампания по антирелигиозному воспитанию в тот период продолжала набирать обороты. Ох, неправ был петербургский поэт, провозгласивший «...лучше жить в глухой провинции, у моря». Там хорошо, где нас нет – так объясняла для себя эту ошибку гения Вера Павловна. В то время, как в столицах прогрессивная интеллигенция громко (и безнаказанно) начала заявлять о своей вере и креститься – «во глубине России», то есть на всех остальных необозримых пространствах нашей, как известно, великой родины, на эту тему не смели и пикнуть. Вековая тишина царила на этих пространствах, на запахивающихся ежегодно трактором по снежку, чтоб глаза не мозолили, неубранных бесконечных нивах... Трактором их, трактором со всеми гнущимися к земле плодоносными колосьями.

Как раз за неделю до обретения Библии Вера Павловна слушала на институтском Совете выступление преподавательницы научного атеизма, которая сетовала на студентов, украшающих стены комнат в общежитии репродукциями картин – «и представьте, на многих из них изображены сюжеты из Библии! Мы не должны этого допускать! Мы, воспитатели молодежи, должны быть не про-

то атастами, а воинствующими атастами!». Преподавательница требовала, чтобы кураторы студенческих групп немедленно отправлялись в общежитие – сдирать зловредные репродукции со стен. Вера Павловна, хотя очень дорожила своей работой, подумала тогда: «Пусть увольняют – не пойду». К счастью, о выступлении быстро забыли, репродукции никто не сдирал – все ж это был «перегиб».

Приобретенная книга пестрела карандашными подчеркиваниями, галочками на полях. Василий Петрович и его потомки задумывались над ее страницами, возвращались к некоторым многократно. У них были любимые места. Нравилось Вере Павловне, что, судя по заметкам, внимательно читался не только Новый завет, но и Ветхий. Что за люди были эти читатели? Вера Павловна сохранила и закладки – их было множество: закладки делались из страничек отрывного календаря и обрывков ученических тетрадей. Относились они к 50-м, 60-м годам... Должно быть, читали и дети, и внуки Василия Петровича. А вот правнуки читать не захотели.

Нет, не стала Верочка показывать иностранцу свою Библию. Просто вежливо отказалась от бесплатной миссионерской.

На рынке тоже все говорили о возможной гиперинфляции: пока ходила между рядами, выбирая картошку, Вера Павловна то и дело слышала обрывки разговоров на эту тему.

Часам к четырем все покупки были сделаны. Сумку Верочка загрузила картошкой, капустой, консервами – для кошек и для людей. В рюкзак положила дыню. Идти в горку от автобуса было тяжело, еле доползла. Зато вечером ели дыню, а котам дали побольше консервов.

Так прожили две немолодые женщины и два кота больше месяца. Погода, к счастью, стояла неплохая. Иностранец должен был уехать восемнадцатого августа, так договаривались. Семнадцатого на дачах заговорили об обвале рубля – некоторые соседи смотрели телевизор. Верочка особенно не волновалась: сбережений у нее не было, текущие деньги потратила почти все, а поступление от американца ожидала в валюте – договаривались ведь о

ста пятидесяти долларах. Софья Антоновна вообще о скачках валюты не беспокоилась: она их не связывала со своими сбережениями – у нее в рублях, какое ей дело до долларов? Вера Павловна ее не разочаровывала, пусть живет спокойно – тем более, не такие там сбережения, чтоб сильно переживать.

Семнадцатого же и выехали. В этот день многие уезжали с дач. У некоторых были машины. Верочку с мамой предложил подвезти Николай Иванович – с котами, компьютером, книгами. Так что все удачно получилось.

Приехали к маме: квартирант по договору должен был покинуть квартиру Верочки только завтра. Спускался вечер, наступили сумерки. И в суматохе, пока, спеша, заносили вещи, Персик исчез. Наверно, его смутила незнакомая квартира с запахом, хотя и известного, но порой не слишком дружелюбного кота.

Обыскали всю квартиру вдвоем. Персика нигде не было. Неужели выбежал за дверь?! В незнакомом месте, совершенно к улице неприспособленный, ночью... Вера Павловна вышла искать на улицу, звала; взяв фонарик, спустилась в подвал – нет, не откликается, не выходит. Вернулась в слезах. Софья Антоновна, сама расстроенная, ее утешала. И тут замаякал Зайчик. Только теперь на него обратили внимание. «Ну да, его же не покормили...», – Вера Павловна устало пошла к холодильнику. Но Зайчик не побежал обрадованно на кухню. Он стоял возле шкафа, смотрел на заплаканных женщин и мяукал. Первой догадалась хозяйка: «Там Персик?».

Рыжий кот сидел в углу, на второй полке, удобно зарывшись в постельное белье – конечно, ведь он приготовился спать... Остаток вечера провели хорошо. «Зайчик, ты умнейший! – восхищалась Софья Антоновна: Ты умнейший и добрейший кот!». Персик тоже не был обижен.

Утром восемнадцатого, оставив кота на попечение мамы, Вера Павловна пошла к себе: следовало уточнить время отъезда квартиранта и получить расчет. Пастор был дома. Выяснилось, что едет он после обеда, а сейчас хотел бы расплатиться. «Где поблизости можно поменять доллары на рубли?» –

спросил он. Вера Павловна удивилась: «Здесь недалеко есть банк, но зачем же Вам менять? Я сама поменяю. Я предпочла бы получить в долларах – как и договаривались, сто пятьдесят. А менять буду сама, позже». Женщина действительно недоумевала: ну какая ему разница? Разговор получался странный. Американец почему-то упорно настаивал на расчете в рублях, хотя выгоды ему от этого не было никакой, а Вера Павловна теряла много: рубль обесценивался не по дням, а по часам. Наконец, до Верочки дошло, что пастор просто крайне законопослушен: если в этой стране официально принято рассчитываться в рублях, то он будет рассчитываться в рублях, даже если никто больше в этой стране так не делает. Поняв, она даже умилилась. «Ладно, Бог с ним – ну потерю на этом обмене сколько-то – надо будет сегодня же эти рубли истратить, пока совсем не пропали...», – рассуждала Верочка сама с собой, дожидаясь квартиранта из банка. Вернулся он, однако, небыстро (в очереди, что ли стоял?), и Верочка к его приходу успела все же разволноваться: деньги надо тратить срочно, где он там разгуливает?.

Универмаг находился рядом с домом. Денег было много, Вера боялась, что вытащат. Зажав свернутые в трубочку купюры в кулаке (ей казалось – так надежнее), Вера Павловна вошла внутрь. И остановилась в изумлении. Боже, что там творилось! Кочующие толпы с ошалелыми лицами сметали все. Во все отделы, включая канцелярский и «Сувениры», стояли очереди. От живописности зрелища Верочка даже на некоторое время успокоилась. Уж слишком интересно было вокруг. Вот это да! И пластмассовые стульчики берут, и выполненную в камне картину «Мишки в лесу» – не иначе, на кухне в стену вмуровать! В ванной вряд ли поместится – примерялась Вера Павловна.

Однако любоваться, открыв рот, было некогда. Взять, что ли, портрет Толстого? Нет, туда очередь большая... Вера Павловна влилась в толпы, оглядывая витрины и не находя ничего нужного. Зрелищность происходящего была велика, она засасывала.

Внимание рассеивалось. Ничего, ничего нужного, и волнуешься очереди везде... Наконец, Вера Павловна сделала выбор: ей совершенно необходимы настенные часы! И очередь не такая уж большая, и время всегда будет хорошо видно из практически любого уголка квартиры. Она заняла очередь. И деньги еще останутся, надо отсчитать... Вера Павловна разжала кулак: на ладони у нее лежали две пятидесятирублевые бумажки.

Много позже, через год, два или три, проглядывая какую-то периодику, Вера наткнулась на статью о наиболее хитроумных и хорошо отработанных способах краж. Один из способов заключается в вытягивании купюр из кулака: вынимаются только центральные купюры, а крайние оставляются. Хитрость в том, что обычно люди наиболее крупные купюры заворачивают внутрь трубочки. Ох, видно, в тот день много было удач у специалистов воровского дела!

Конечно, обнаружив потерю, Верочка разочаровалась. Потеря была очень обидна, хотя и не смертельна – до зарплаты дотянет, тем более, крупной запаслась. Зато теперь она свободна, вопрос решился сам собой. Оставалось проводить квартиранта, и она вновь заживет своей обычной жизнью, – успокаивала себя Верочка. Она поспешила домой.

Пастор уже собрался. Два больших чемодана стояли уложенные и закрытые. В квартире присутствовал и переводчик – он должен был проводить американца на вокзал. Времени оставалось не так уж много.

Несмотря на то, что Верочка хорохорилась, от увиденного и пережитого в этот день на душе у нее было тяжело. Конечно, история со сдачей квартиры напоминала абсурд: деньги самым странным образом испарились, причем, ступенчато – вначале вместо долларов оказались рубли, которые на глазах оборачивались туманной химерой, однако возникла перспектива стенных часов, потом и она аннулировалась. Все это сопровождалось волнениями, не давшими никакого результата. Пожалуй, в другое время Верочка могла бы и посмеяться над своими приключениями – уж больно они были неле-

пы. В другое время. А сейчас на душе лежала тяжесть. Она была вызвана не столько личными передрягами, сколько общей неустойчивостью, неуверенностью, витавшей вокруг, всеобщим ажиотажем и ожиданием плохого. Верочка успокаивала себя тем, что скоро все войдет в свою колею – по крайней мере, в ее личной жизни. Завтра она вернется к себе домой по-настоящему: привезет Персика, компьютер; она окупится в привычный быт, по которому соскучилась. Завтра Яблочный Спас, Преображение! Она купит на часть оставшихся денег ведро хороших яблок и прочитает маме стихотворение Пастернака «Август». Она всегда читает его в этот день. Однако на душе все равно лежала тяжесть.

Американец попросил Веру Павловну найти такси до вокзала, а сам, вместе с переводчиком, ушел куда-то, ненадолго. «Вернемся через четверть часа, не позднее, такси путь ожидает, поедем сразу», – сказал он. В девяностые годы такси редко вызывали по телефону, считалось более надежным и выгодным просто остановить свободное такси на улице. Сделать это было легко.

Вера Павловна вышла к остановке и почти сразу нашла такси. Водитель, уже немолодой, ровесник Верочки, выглядел озабоченным и хмурым – как все в этот день. До вокзала он согласился везти за восемьдесят рублей. «Но придется минут десять подождать», – предупредила Вера. – «Тогда сто». Въехали во двор, Верочка поднялась на свой этаж – возможно, уже вернулись. Отперла квартиру, посмотрела на чемоданы, опять подошла к такси. Водитель вышел, Вера остановилась рядом с ним.

Лето близилось к концу, воздух был пронизан мягким солнечным светом, какой бывает только в августе. Во дворе, просвеченном неярким солнцем, стояло несколько автомобилей; да пыльные деревья, да пожухлая трава. Возле второго подъезда сосед выгружал из машины покупки: телевизор и пылесос в коробках. «Успел!» – подумала Верочка. Неподалеку две женщины снимали с веревок высушенное белье, громко обсуждая цены на гречку вчера и сегодня.

С одной стороны двора находилась одноэтажная аптека, с другой – задворки школы с пустой сейчас спортплощадкой, остальное закрывалось домом, построенным в виде буквы «Г». Двор был проходным и неухоженным, но все равно казался уютным, Верочка его любила. Постояли с водителем молча. Каждый был погружен в свою невеселую думу. Водитель опять взглянул на часы – прошло уже 20 минут, американец опаздывал. «Сто тридцать», – неожиданно для себя сказала Верочка. Водитель кивнул. Бесхвостая кошка проскользнула под машиной и шмыгнула в подвал. В то лето все кошки во дворе потеряли хвосты и стали какими-то нервными. Конечно, это было дело рук несовершеннолетних отморозков из соседней пятиэтажки. Вот эта кошка месяц назад еще с хвостом бегала. Верочка почувствовала угрызения совести: уехала, оставила без присмотра... Со стороны аптеки медленно шел Ванька Солнцев. Лицо у него было отекившим, серым, левую руку прижимал к сердцу. Болит, что ли? Двадцать пять годков парню... Карманы набиты маленькими бутылочками – отметила Вера Павловна. Настойка какая-нибудь на спирте – вместо водки пьют. Ну, с этим ничего не сделаешь. Верочка старалась сохранять с Солнцевыми нейтральные отношения, в душе она их побаивалась.

Американец появился минут через сорок, вместе с переводчиком. Вера Павловна помахала им рукой от такси. Мужчины прошли в подъезд, вышли быстро. Пожилой переводчик с трудом тащил два чемодана, а пастор шагал с легкой дорожной сумкой. «Сто семьдесят!» – сказал шофер. «Двести!» – ответила Вера Павловна. Худая бездомная собака проскакала к помойке, волоча заднюю ногу. Квартирант с переводчиком подошли к машине, переводчик, тяжело отдуваясь, плюхнул свою ношу возле такси. Водитель, подняв крышку, начал укладывать чемоданы в багажник. «Двести пятьдесят!» – сказала ему Вера Павловна. И, повернувшись к квартиранту, повторила: «Я договорилась за двести пятьдесят: ожидать пришлось!».